

А. С. Степанова

Коллизии русской истории и культуры в проекции историсофских концепций

Статья посвящена феномену России и своеобразию «исторической схемы» русского человека. Выявляются основные черты русской национальной истории, исторического и культурного сознания на основе анализа работ, в особенности Г. П. Федотова. Одинаково важно определить фундаментальные черты, относящиеся как к русской национальной истории (истории резких перемен), так и к родовой памяти народа и его духовному наследию. Черты (ценностные коды) следующие: целостность, универсализм, любовь к собственным корням.

Ключевые слова: русская национальная история, русское государство, культура, традиция, образование, родовая память, Г. П. Федотов.

A. S. Stepanova

Collisions of Russian History and Culture in the Projection of Historiosophical Concepts

This article is devoted to phenomena of Russia and originality of the Russian man's "historical scheme". The basic features of Russian national history, historical and cultural consciousness are revealed in the analysis of the works in particular by G. P. Fedotov. It is equally important to identify fundamental features relate to the Russian national history (the history of crucial changes) and the generic memory of the people, their spiritual heritage. The features (value codes) are the following: wholeness and universalism, love to own origin.

Keywords: Russian national History, a Russian state, culture, a tradition, education, generic memory, G. P. Fedotov.

Г. П. Федотов высказал мысль о том, что главной нашей неотложной задачей является философское, метафизическое осмысление исторического пути России [1, с. 183]. Этот историсофский проект необходимо осуществить, памятуя о том, что он возможен, хотя и при известном пересмотре традиций, но исключительно с позиции восстановления связей с отцами, при стремлении, по выражению Г. П. Федотова, «поднять культурную ношу отцов» [2, с. 183]. Наш историсофский взгляд не есть взгляд внешнего наблюдателя, он может быть только взглядом изнутри, поэтому главный предмет рассмотрения – это «судьба и беды России» при постижении смысла древнерусской культуры.

Но всегда существует иллюзия исторического восприятия, поистине «никогда нельзя определить, где же начинается современность, можно ли установить границы этого ее поля, насколько глубоко в прошлое она может «проваливаться» [3, с. 30]. Вовсе не парадоксально звучат слова Г. П. Федотова о том, что «национальная душа не дана в истории», не дано изначально все как в семени... главная тема иногда раскрывается лишь в конце», как в случае XIX в., который

“может быть более национален, чем Киев или Москва” [4, с. 181]. Более того, специфика нашей отечественной истории выражается в том, что «лицо России не раскрывается в одном поколении» [5, с. 44]. Кажется, русская история намеренно нарушает порядок стройной линейной гегелевской схемы исторического прогресса!

Между тем, сама постановка вопроса о средоточии русской истории лишена смысла, если исходить из абстрактной схемы процесса истории или же, напротив, если выстраивать схему, основываясь только на эмпирических фактах, ибо «сами по себе факты жизни дают немного, если не становятся основой для рефлексии и прозрений» [6, с. 8]. События уходящего за горизонт прошлого сливаются в общем потоке, делаются неразличимыми. Но при внимательном рассмотрении становится очевидным, что история подчиняется особым, выявляющим ее закономерность ритмам, аналогично ритмам, свойственным самой Вселенной. При этом история представляет собой своеобразные волновые потоки не только духовной, но и душевной жизни народов [7, с. 12]. Каков динамический смысл этого периодического ритма? В контексте рассматривае-

мого нами вопроса представляют интерес рассуждения Ортеги-и-Гассета о генезисе социального единства, в основе которого, по его мнению, лежит «не рост какого-то исходного ядра, а последовательное учреждение новой структуры» [8, с. 78]. Факторами развития единой равновесной системы служат не только подъем, но и упадок. История, на самом деле, сложный волнообразно-дискретный процесс, включающий повторение, остановки и возврат к некоторым исходным позициям, но долженствующий, в конце концов, сбалансировать равновесие системы, восстановить закономерный ритм. Для всемирного исторического процесса характерно периодическое повторение сценария, но каждый раз уже на новом материале так, что «духовный тип византийского грека настолько далек от классического, что их можно считать антиподами» [9, с. 171].

Несмотря на периодическое появление на исторической сцене новых персонажей, существуют инварианты, демонстрирующие иронию истории и доказывающие, что в очередной раз произошла лишь смена декораций и костюмов, но не сюжета. История России вполне обычна (многие ее так называемые «грехи» на деле оказываются подтверждением аналогичных «грехов» других народов, выражающих общие тенденции всеобщей истории). Вместе с тем, как и у других народов, здесь есть своя специфика. Ее особенность во многом проистекает из, во-первых, длительного существования, во-вторых, масштабности, в-третьих, замедленной скорости событийного ряда и, в-четвертых, местоположения, что сближает ее историю с древнеегипетской или китайской. Не случайно наблюдается и типологическое сходство византийской образованности (ставшей образцом для русской) с китайской культурой. Это сходство выражалось в том, что моделировались сходные формы мышления, например, их специализация, нацеленная на экзегезу древних текстов и сложную систему управления.

Главная беда России, постоянно воспроизводящаяся и предопределяющая радикально ее тернистый исторический путь, заключается в трудности определения вектора устойчивого развития в нашей, как ее охарактеризовал К. Н. Леонтьев, «просторной, пестрой и медленной» стране [10, с. 12]. Угроза устойчивому развитию и даже сохранению самого национального типа постоянно нависала над Россией, начиная с древнейших, славянских времен. Основная причина указана крупным представителем немецкого Просвещения И. Гердером, отмечавшим миро-

сердие, гостеприимство, свободолюбие и миролюбие славян – качества, которые не помогли нашим предкам защититься от порабощения. Он сетовал на постоянную необходимость для славян обороняться от врагов, защищая необозримые пространства: «Несчастье этого народа, – писал мыслитель, – заключается в том, что при своей любви к покою и домашнему усердию он не мог установить долговечного военного строя» [11, с. 471].

Для древнерусского строя изначально было характерно отсутствие резких граней, как с бытовой стороны, так и со стороны духовной. Последняя представлена не только нравами, обычаями, образцами апокрифической литературы, старинными обрядами, мистическими течениями, но и особенным строем души. Непонимание души народа влечет за собой подмену понятий, искаженные оценки исторического бытия, когда «тысячелетние духовные споры, поиски истолковываются как череда иллюзий» [12, с. 8]. Г. П. Федотов отмечал такое явление, как превращение христианства в России «в религию священной материи»: икон, мощей, святой воды и пр.» [13, с. 136]. Но ведь это и указывает на устойчивость древних языческих предпочтений и идеалов, выражающих именно такое, а не иное душевное расположение русских людей. Здесь же: красота обряда – обряд важнее догмата, его связь с народным бытом – ведь русский человек, в самом деле, не лишен эстетики. В этом причина того, что «московский тип пережил не только Петра, но и расцвет русского европеизма; не удивительно, что в глубине народных масс он сохранился до самой революции 1917 года» [14, с. 288]. Каждый раз в новой социально-культурной ситуации в России возрождаются основательно забытые архетипы патриархальной древности, стереотипы мышления, влияющие и на поведенческие стереотипы.

Осмысление философии истории возможно с учетом характера субъекта этой истории, поэтому Г. Федотов справедливо указывает, что «русский человек все еще похож на растение». Это проявляется не в мысли и не в слове, а в звучании, имея в виду его «срастание» с природой, с почвой [15, с. 138]. Растительный натурализм впоследствии закономерно обернулся почвенничеством. Духовные стихи как жанр русского фольклора – это христианизированный славянский фольклор, народный религиозный эпос, остаток древней киевской, московской, допетровской культуры, не затронутый глубокой европей-

зацией, существовавший еще и в XVII в., тот элемент духовной культуры, который наиболее полно раскрывает нам русское самосознание, складывавшееся еще в период Древней Руси. Космогонические сюжеты были родственны античным образам и концептам. Культура мифа и ритуала, существовавшая в древнерусскую эпоху, со временем обнаруживает себя в пространстве литературы. Таким образом, вполне объяснимо, что даже отечественное богословие начала XX в. идейно родственно народной религиозной мифологии [16, с. 67]. Здесь идейные ростки будущего мировоззрения славянофилов.

«Кенотический» тип русского религиозного сознания дополняет евразийский термин «место-развитие», применимый к образу необъятных, немых пространств, рождающих тихую музыкальность созерцательности, как нельзя лучше передает данное свойство русской души. Не случайно в духовных стихах о Егории «горы толкучие» – это те препоны, которые нарушают божественный порядок мира, земли как хранительницы закона родовой жизни и нравственного закона [17, с. 72]. Сохранению души способствовал феномен малой родины, который тогда (к XVII в.) все-таки еще не утратил исторического смысла. Утрата этого смысла более относится ко дню нынешнему, когда, выражаясь словами того же Г. П. Федотова, «не страна теперь Русь, но территория, потонувшая в однообразии» [18, с. 282]. На очередном историческом витке «родовое чувство нашло себе главное выражение в монархизме», в то время как на Западе оно «сильно было в аристократическом элементе» [19, с. 125]. Однако родовое чувство получило государственный вектор, так что «государство оказалось сильнее не только аристократии, но и самой семьи» [20, с. 127]. Разрыв с традицией со всей откровенностью обнаружился в реформе Никона. Это отсутствие равновесия между традицией и современностью вело к трудноразрешимым проблемам, завязывавшимся в тугой узел.

Утрата церковной целостности (раскол XVII в.) привела к трансформации самого содержания народной религиозности, которая перестала быть кенотической, а сохранилась лишь в осколках разбитого вдребезги единого духовного организма, хотя в бытность Московского государства сложился и укоренился московский тип русского человека, показавший свою живучесть. Не случайно философ отмечает любопытное явление: «Советский человек не столько вылеплен в марксистской школе, сколько вылез на свет Божий из Московского

царства» [21, с. 299]. Напряженность в духе в религиозном сознании народа проявилась в усилении сомнений в «безусловном православии московско-петербургского царства» [22, с. 174]. Преимущество московского царства в единстве культуры, ибо «московская Русь жила одним и тем же культурным содержанием, одними идеалами». В ней не было «не только грани между христианством и язычеством (Киев), или между западной и византийской традицией, но даже между просвещенной и грубой верой» [23, с. 288]. Еще в XVII в. предание (русская святость) и православие составляли единство. Позже православие выступило в виде «отмеренного компромисса между католичеством и протестантством, в полном неведении мистической традиции восточного христианства» [24, с. 84]. Эта мистическая традиция, густо замешанная на античном предании, имела сродство с древнеславянской верой. Образ святости крепко держался в России, а к концу XIX в. наблюдалось нарастание мистических сил, о чем свидетельствует и культурный феномен Серебряного века, своего рода тоска по родной культуре. Это было Возрождение, как особая литературно-художественная имитация исторического, форма его эстетического переживания при сохранении родства с Востоком, ибо «за ориентализмом московского типа лежали нетронутыми древние пласты Киево-Новгородской Руси, и ... обмен духовных веществ с христианским Западом» [25, с. 289].

Государство, отказавшись от идеи просвещения, проводниками которой впоследствии стали народники, отрезало себя и народ от родных корней. Органическое единство, сохранявшееся дольше всего, указывало лишь на почву, породившую его, и не затрагивало духовно-душевных пластов. Между тем уже православие, которое вовсе не одно и то же, что и христианство, не было монолитом, и в самом деле: «типов русского христианства больше, чем типов русского человека» [26, с. 182]. Безраздельная приверженность «православному ханству» вызывает сомнения. Еще в XVI в. против него выступали как боярство, так и духовные старцы, а ведь они защищали не только аристократическую свободу, но и духовную. Церковный раскол прошел по линии, разделяющей Русь традиционную и Русь новую. Именно поэтому победа партии Иосифа Волоцкого над Нилом Сорским, закрепленная затем диктатурой опричников, привела как к окостенению, так и к оскудению духовной жизни. Хотя «потребность в свободе теплилась в боярстве»

[27, с. 287], но появились новые (опричные) дворяне, победившие родовую знать. Трагедия в том, что народ боярство не поддержал. Позже народ проигнорировал участие в земских соборах, отказавшись тем самым от возможности представительной власти. Государство так и не стало народным делом. Первый успех в этом направлении был достигнут лишь в годы советской власти, что отмечали даже идейные противники, но завоеваний не удалось удержать из-за небезызвестного раскола в обществе, идейных разногласий, беспочвенности, сказавшейся (в который раз!) в скользкой позиции интеллигенции, демонстрирующей по выражению Г. П. Федотова «эссенцию абстрактной веры» [28, с. 86]. Не было недостатка в социальных энергиях или даже политических, но не доставало энергии духовной, воли к творчеству. Долгое время проводником свободолюбивых идей при молчаливом согласии народа было дворянство, в XVIII в. даже дозревшее до проектов конституции. Но его косность определила надолго косность всей политической системы. Московский тип, имевший глубокие культурные корни, мог бы осуществить просветительную миссию, но в противоборстве чиновничества, начало которому было положено еще во времена Грозного, а силы приданы уже реформами Петра, с московским имперским типом русского «человека универсальной культуры» победил первый. Вырождение чиновничества при Александре III, отмеченное утратой идеала чина, почета, дополнилось отсутствием настоящей культуры, однобокостью, свойственной отныне русским государственным людям [29, с. 141]. Это привело к тому, что бюрократия только управляла, но никоим образом не *направляла*, – ситуация, столь знакомая, сколь она представлена в проекции русской истории! Об этом же писал и В. В. Розанов, имея в виду бесполезность реформ, предложенных М. Сперанским, так свой долг и не исполнившим. Причина – в отсутствии эстетических и этических идей, которые есть «семена жизни» – «святая святых» истории [30, с. 78]. XVIII в. стал предвестником новой беды: образовалась резкая грань, которая отделяла тонкий верхний слой, живущий западной культурой, от народных масс, оставшихся «духовно и социальными в Московии» [31, с. 288]. Европеизация взяла свое в области духа, идеологии, но не души, родовое начало еще теплилось в народе.

Есть удивительная тайна русской истории и культуры – «немота». Культурное развитие России испытало явный прорыв в XIV–XVII вв., ко-

гда широкое распространение получила книжная культура. Уже при Владимире I Святославиче Русь стала книжной страной, а в XI в. в «Изборнике» 1076 г. содержалось поучение о пользе «книжного почитания», при этом «греческое образование не было редкостью в Москве XIV века» [32, с. 259]. Для второй половины XVII в. вообще характерна «общая жажда образования». В Москве создаются первые библиотеки с собраниями книг на иностранных языках; создавалась и особая библиотека греческих книг. Впоследствии делу просвещения способствовало появление «Закона о вольности дворянства», тяга к просвещению выразилась в изменении положения дворянина: образование давало дворянский статус. Но это все были внешние условия, к тому же, не затрагивающие творчество народных масс. Для того чтобы это творчество проснулось, нужна кропотливая работа, повседневный труд души.

Полезно задаться вопросом о том, что вообще обеспечивает творческую глубину культуры и продуктивность исторического и религиозного опыта? По-видимому, бережное отношение к корням, не копирование, но самостоятельное творчество. Говоря о «немоте», Г. П. Федотов справедливо отмечает, что усвоение славянской Библии происходило «ценой отрыва от *классической традиции*». В. В. Розанов говорил именно об этом: «Если культура богата началами философскими, научными, политическими, религиозными, то ее существование обеспечено. Это своего рода неразрушимые вещи» [33, с. 82]. Эти «подробности», элементы, которые выросли из родового сознания, сохраняются, прежде всего, благодаря образованию. Между тем, на протяжении столетий усвоение культуры происходило в России не в глубинах духа, не почвеннически. Лишь пробудившееся самосознание найдет приемлемые формы, и исторический смысл укоренится в пространстве родного языка. Вспомним А. С. Пушкина, писавшего о необходимости научиться мыслить на родном языке, называя это задачей русского просветительства, ибо «ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись» [34, с. 660]. Для России Возрождение возможно только на основе мудрого просветительского проекта.

Примечания

1. Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
2. Федотов Г. П. Будет ли существовать Россия? // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1.

3. Любимова Т. Б. История как идеология // Ориентиры. М., 2011. Вып. 7.
4. Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
5. Федотов Г. П. Лицо России // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1.
6. Корольков А. А. Константин Леонтьев и судьбы культуры // К. Н. Леонтьев Pro et contra. Антология. СПб., 1995.
7. Так метафорический образ огненных потоков, подчиняющихся закону периодичности, вызвала в воображении ученого, оригинального мыслителя Николая Пэрна, жизнь народов: Пэрна Н. Я. Ритм, жизнь и творчество. Пг, 1925.
8. Ортега-и-Гассет Хосе. Бесхребетная Испания. М., 2008.
9. Г. П. Федотов. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
10. К. Н. Леонтьев. Панславизм и греки // Собр. Соч. М., 1912. Т. 5.
11. И. Г. Гердер. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
12. Корольков А. А. Константин Леонтьев и судьбы культуры // К. Н. Леонтьев Pro et contra. Антология. СПб., 1995.
13. Федотов Г. П. Тяга в Россию // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
14. Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
15. Федотов Г. П. Тяга в Россию // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
16. Федотов Г. П. Мать-земля // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
17. Федотов Г. П. Мать-земля // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
18. Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
19. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Собр. Соч. М., 1912. Т. 5.
20. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Собр. Соч. М., 1912. Т. 5.
21. Федотов Г. П. Создание элиты // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
22. Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
23. Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
24. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1.
25. Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
26. Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
27. Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
28. Федотов Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1.
29. Федотов Г. П. Революция идет // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 1. С
30. Название статьи В. В. Розанова знаменательно, ведь он первый обратил внимание на историческую психологию в своих историософских очерках, и применительно именно к русской истории. См.: Розанов В. В. Т. 1. Психология русского раскола. М., 1990.
31. Федотов Г. П. Россия и свобода // Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2.
32. Тихомиров М. Н. Русская культура IX–XVIII веков. М. 1968.
33. Розанов В. В. Эстетическое понимание истории // Pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1995.
34. Пушкин А. С. Сочинения. Л., 1936.